

КОНТИНЕНТАМ

Интервью «Известий»

ЭТОТ НЕПОВТОРИМЫЙ РОДЕНАС

Мой собеседник — известный испанский танцовщик, хореограф и общественный деятель Антонио ГАДЕС. Настоящая его фамилия — Антонио Эстева Роденас, а артистический псевдоним происходит от старинного названия города Кадис, неподалеку от которого он родился. Антонио строен и подтянут, хотя и молод, ему под пятьдесят, и, казалось бы, возраст критический для танцора, но тот, кто его видел на сцене, никогда не скажет, что ему более тридцати — так он легок, виртуозен, классически строг и по-юношески подвижен.

Прошедшие годы были для Антонио очень нелегкими, и путь к нынешней славе и признанию, как у большинства честных артистов на Западе, был усыпан огню не розами, а скорее шипами. Разговор с этим неумным и необычным человеком, записанный на магнитофонную ленту, на мой взгляд, не нуждается в комментариях журналиста, а читатель из первых уст сможет много узнать как о самом Антонио, так и о положении на культурном фронте Испании.

— Мои родители — самые обыкновенные люди: отец, пока был жив, работал строителем, мать — портниха-надомница. Отец воевал в батальоне «Октябрь», участвовал в обороне Мадрида, был ранен, арестован франкистами и брошен в тюрьму. После гражданской войны семья перебралась в Мадрид, где легче было «затеряться», так как в небольших городках очень сильны были репрессии по отношению к бывшим республиканцам. Но вскоре после переезда отец заболел силикозом.

Мне тогда было 11 лет, и я бросил школу, чтобы помочь семье. Работал на стройке, помощником фотографа, рассылным и переплетчиком в типографии. Танцевать стал случайно: на улицах стихийно возникали танцы, и там среди моих случайных поклонников меня приметил один сеньор, который обещал порекомендовать в популярную танцевальную труппу.

Тогда я не думал о будущем, а целиком был занят одной мыслью: есть возможность заработать. Тем не менее с этого все и началось. Поэтому я всегда считал себя танцовщиком по нужде, а не по призванию. Окончив какую-то ускоренную школу танцев, я с разными труппами вплоть до 1960 года колесил по стране с балетом в стиле фламенко. Работал я и в кабаре — танцевал все, что можно. Но именно оттуда совершенно случайно я попал в труппу знаменитой в то время Пилар Лопес, где прошел свою первую настоящую школу танцев.

Потом была Италия. «Болеро» Равеля в Римской опере, миланская «Ла Скала», где в течение года я танцевал и ставил спектакли. Потом учился и работал в Париже.

Спустя год я наконец вернулся в Испанию, на съемки фильма, и тогда же создал свою первую труппу, которую в Мадриде никто из импресарио не принял всерьез. И только потому, что мы были слишком серьезны для той публики, привыкшей к легким представлениям.

— Пришлось перестроиться?

— Нет, мы не хотели этого делать и уехали в Барселону, где кое-как набирали публику. Однажды, когда нам надо было возвращаться в Мадрид, у нас не оказалось денег даже на билеты, и я попросил одного своего приятеля, хозяина небольшого зала фламенко, разрешить нам два раза выступить. Неожиданно для нас был громкий успех. Чудо. Народ повалил, нас стали хвалить в газетах.

В Мадрид мы возвращались, как говорится, «на коне». Нас даже пригласили участвовать во Всемирной выставке в Нью-Йорке в 1964 году. Да и труппа выросла до 15 человек, которые и поныне составляют костяк моего коллектива. Не буду перечислять города и страны, в которых мы побывали, но в памяти навсегда осталась Италия, фестиваль газеты «Унита».

В те дни я узнал о расстреле

в Испании пяти патриотов-антифашистов и тогда же, потрясенный этим, дал себе зарок: в знак протеста против этой дикой расправы не танцевать больше никогда. Даже говорить о танце не мог. Но в 1978 году я поехал на Кубу, и Алисия Алонсо, которую знал еще по Парижу, убедила меня вернуться на сцену. «У каждого революционера есть свое оружие в борьбе с империализмом», — говорила она мне. — И твоё оружие — это танец».

Кубинскую революцию я принял сразу всей душой. Вот почему там же, в Гаване, я после долгого перерыва начал танцевать с Алисией и с Национальным балетом Кубы.

— Но в Испании к тому времени произошли серьезные сдвиги...

— Да, моя Испания переживала новый этап в своей истории: не стало Франко, начался процесс демократических перемен. По возвращении в Мадрид мне вскоре предложили создать национальный балет, который до того времени никогда не существовал. Я уже начал подыскивать помещение для будущего театра, когда из-за моих политических заявлений министр культуры уволил меня.

У нас были готовы почти три спектакля, в основу которых легла фольклорная хореография Галисии и Страны Басков. Между прочим, в театре мы начали собирать старую испанскую хореографию, опасаясь, что она может исчезнуть навсегда. В знак солидарности со мной из театра ушли еще 30 человек, с которыми я и создал свой танцевальный кооператив. Мы все давно знали друг друга, нас объединяли общая идеология, общие взгляды на искусство. Примерно в эти же годы я снялся в нескольких фильмах, один из них — «Колдовская любовь» — был показан на фестивале в Москве. С Карлосом Саурой сделали фильм-балет «Кровавая свадьба», а затем «Кармен». Последний — это наша киноверсия классического балета с «испанским акцентом»...

— Какой же все-таки испанский балет?

— Испанского балета как такового не существует. В каждой национальной области Испании есть свой танцевальный фольклор — будь то баский, каталонский, галисийский или какой-либо другой. Механическое сложение их еще не создает испанского балета. Я знаю все фольклорные танцы Испании и ввожу их элементы в спек-

такли, когда они соответствуют содержанию. Классического балета, как многим ни покажется странным, у нас в стране нет вообще. Традиции классического танца были когда-то в Каталонии, но без поддержки властей они заглохли. Есть испанские балерины, но они все учились за границей, там же и выступают. Словом, у нас нет культуры классического балета.

— Как живут, о чем думают, чем заняты испанские артисты, каковы возможности развития их творчества в стране?

— На все вопросы отвечаю двумя словами: положение катстрофическое. К сожалению, целенаправленная культурная политика у нас отсутствует.

Я убежден, что у нас в стране отсутствует и понятие качества культуры. Власти об этом не думают, поэтому я и не вижу линии при проведении культурной политики. Актерам никто не помогает, они не защищены экономически и сами должны заботиться о себе. Бывает, что за всю жизнь даже талантливый актер снимется в двух-трех фильмах, а долгие годы подрабатывает где удастся.

Разве это не трагедия, когда в стране существуют всего лишь три небольшие драматические труппы, финансируемые министерством культуры, а все остальные зависят от частных денег? В Испании никто не может себя чувствовать уверенно. Скажем, завтра я «прогорю» или попаду в автомобильную аварию и не смогу танцевать. Уверю вас: я никому не буду нужен, никто обо мне не вспомнит, кроме друзей, даже если буду помирять с голода.

— Как же все-таки объяснить, что есть хорошие испанские кинорежиссеры и нет, по существу, драматических театров в стране?

— Театр сложнее, он менее защищен, кино опекают больше. Скажем, в испанских театрах никогда еще не ставилась наша классика — Лопе де Вега, Кальдерон и другие. Иногда, раз в десять лет, объявляется какой-нибудь «сумасшедший» — иначе его не назовешь — режиссер, который решает поставить какую-нибудь пьесу Лопе де Вега, но никто ему не позволит этого сделать, потому что зал будет пустой. Четыре десятилетия франкистской диктатуры были направлены на то, чтобы отлучить народ от культуры, закрыть доступ к ней.

— А как в этих условиях удастся выжить вашей частной балетной труппе?

— Хочу уточнить: это не частная труппа, как многие считают, а кооператив единомышленников. Каждый из нас несет двойную или даже тройную нагрузку: мы и актеры, и грузчики, и рабочие сцены, а иногда и продавцы входных билетов.

— Антонио, вы никогда не мечтали танцевать в Большом театре?

— Какой настоящий артист не мечтает об этом? То, что я делаю здесь, возможно, нетрудно совместить с классическим балетом.

Своим творчеством стремлюсь воспитывать людей в духе гуманизма и тех идеалов, за которые борюсь, как коммунист. Для меня на первом месте стоят принципы Мой отец был коммунистом с 1933 года, и всю жизнь меня окружала атмосфера честности, чистоты и преданности великому делу. Этому я стремлюсь следовать всю свою жизнь, как бы на нас ни клеветали враги.

Беседовали мы на квартире у Антонио, и все время беспрестанно надвигался телефон. Кто только не звонил! А потом пришла со съемок нового фильма его жена — Пена Флорес, популярная в стране певица и киноактриса, вернулись из школы дети.

О детях у него особая забота. Он с тревогой говорит о разлагающемся воздействии на молодежь буржуазной «массовой» культуры, которая господствует в Испании в кино, на телэкране и в концертных залах. О духе меркантилизма и нравов «общества потребления», о моральной деградации так называемых кумиров, озабоченных лишь собственным обогащением. Круг проблем, волнующих Антонио Гадеса, необычайно широк, как широк диапазон его таланта, с каждым годом раскрывающегося своими новыми отточенными гранями.

МАДРИД.

В. ВЕРНИКОВ,
соб. корр. «Известий».